

**ОБРАЗ МИРА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ
ПРИКАСПИЙСКОГО ДАГЕСТАНА IV–VII вв.**

В источниках, содержащих данные о религии населения Прикаспийского Дагестана в IV–VII вв., не представлена текстуально развернутая концепция устройства мира обитания социума. Относительно полно мировоззрение, господствовавшее в «стране гуннов», реконструируется на основе отдельных компонентов мифологических и космологических представлений.

Основными слагающими мировоззрения населения «страны гуннов», как показывает анализ источников, были пантеон и модель строения мира.

Устройство мироздания четко не обозначено, но, по косвенным данным, оно просматривается как трехчленная структура микрокосма, включавшая Верхний, Средний и Нижний миры.

Представления о Среднем мире переданы в источниках неявно. Их содержание может быть раскрыто через понятие «наша (своя) земля», т.е. представления о конкретном месте обитания социума. Уже в 30–40-х гг. IV в. гунны «страны масаха-гуннов» определяли место своего нахождения в Прикаспии (равнинные районы на берегу Каспийского моря к югу от «Каспийских ворот») как «страны нашей» (*Фавстос Бузанд*. III. Гл. VI. С. 14). Это была территория, не только принадлежавшая им, но прежде всего дающая средства к проживанию. Это был мир, в котором были задействованы все значимые для его жителей составляющие. Население этого «мира» было связано общностью происхождения (гунны), языка (тюркский) и «исконных обычаев». Один из этих обычаев – участие в военных акциях, приносящих оружием средства к жизни – «добыча, которой мы живем». Другим социальным обычаем были военные смотры, проводившиеся перед началом крупных военных акций. Эти мероприятия (военные акции и смотры) давали возможность продемонстрировать общность целей, задач, направленности деятельности, ощутить единство социума, его мощь и жизнестойкость, т.е. формировали осознание мира обитания и себя в нем.

Через 300 лет, в 80-е гг. VII в., правитель «страны гуннов» Алп-Илитвер также определял места обитания подвластных ему племен как «наша страна», «моя страна», а ее столицу как «наш город Варачан» (*Мовсес Каланкатуаци* III. Кн. II. Гл. XLII. Р. 167). Эти же понятия постулировали и священнослужители «страны гуннов» в протестной речи: «вся наша земля», «наши земли», «наша земля» (*Мовсес Каланкатуаци* III. Кн. II. Гл. XLI. Р. 161–162).

Но в источниках нет данных о содержании ландшафтной составляющей понятия «наша земля». Какие природные объекты маркировали в представлениях населения границы мест обитания, каков был их ландшафт, какой природный или искусственный объект был символом этой ойкумены, источники не содержат таких данных.

По данным армяноязычных авторов, «страна гуннов» находилась к северу от г. Дербента, ее население географически определялось как «народ, живший у Каспийских ворот», а местоположение страны – «при подошве гор» (*Себеос*. С. 30–31, 164). Они также указывали на нахождение этой страны «близ моря», а ее столичного города Варачана – к западу от Дербента «у Кавказа» (Армянская география II. С. 30).

Исходя из обозначенных ориентиров, «страна гуннов» занимала равнинные пространства Западного Прикаспия, ограниченные с запада Кавказской горной системой. Указание источников на ее нахождение «при подошве гор» может быть интерпретировано как прохождение западной границы непосредственно у передовых хребтов Кавказских гор, а само горное пространство – как пограничная

область, возможно, как чуждая ойкумена, а значит и враждебная миру обитания ее жителей. Видимо, не случайно у Мовсеса Каланкатуаци, основного информатора о религиозных представлениях населения «страны гуннов» во второй половине VII в., не отмечено поклонение ее жителей горам или горным вершинам. Хотя культ горных вершин просматривается в 30–40-х гг. IV в. у гуннов «страны масаха-гуннов» (обряд в утренний час проводился на горе), у гуннов начала VI в. (заключение договора с Персией в 504 г. и обряд на победу проводился на вершине горы) и у тюрков в 626 г. (обряд приветствия византийского императора был проведен приближенными кагана на горе вблизи Тифлиса).

В источниках нет явственных данных о восприятиях, связанных с таким значительным природным объектом ойкумены, как море, омывавшее восточные рубежи «страны гуннов», хотя оно, несомненно, было объектом поклонения.

Нет данных и о представлениях относительно формы «жизненного пространства», занимаемого племенами Прикаспия, хотя отмечено понятие о его географическом положении. Еще гунны начала VI в. в своем требовании к Персии увеличить им подати в два раза (504 г.) определяли места своего обитания как очень неблагоустроенные: «изгнаны богом в северо-западную страну» (*Псевдо-Захария*. Кн. 7. Гл. 3. С. 150). Алп-Илитвер также указывал на местонахождение своей страны как на «самый северный предел мира» (варианты: «пределы севера», «страна северян») (*Мовсес Каланкатуаци* III. Кн. II. Гл. XLIV. Р. 169; *Мовсес Каланкатуаци* I. Кн. II. Гл. XLIV. С. 210; *Мовсес Каланкатуаци* II. Кн. II. Гл. XLIV. С. 133), куда достигло учение Христа. Указание на северное положение «страны гуннов» несомненно также определяет среду обитания как неблагоприятную в сравнении с югом. Эти представления обуславливались, видимо, климатическими условиями региона. Мовсес Каланкатуаци отмечал, что в период созревания урожая эти районы поражала засуха или шли затяжные проливные дожди, а «зимние морозы» держались 6 месяцев (*Мовсес Каланкатуаци* II. Кн. II. Гл. XL. С. 126).

В «стране гуннов» имелось представление о ее центре, каковым в передаче епископа Исраила выступала столица город Варачан (*Мовсес Каланкатуаци* III. Кн. II. Гл. XLI. Р. 164), воспринимаемая как «наш город Варачан» (*Мовсес Каланкатуаци* II. Кн. II. Гл. XLII. С. 132; *Мовсес Каланкатуаци* I. Кн. II. Гл. XLII. С. 207; *Мовсес Каланкатуаци* III. Кн. II. Гл. XLII. Р. 167).

Однако это жизненное пространство, в целом неблагоприятное и суровое, было сакрально освоено и в силу этого – надежно. На его территории находились культовые объекты – священная роща, святилище с храмами и скульптурами богов. Эти объекты воспринимались как неотъемлемые составляющие мирообитания населения «страны гуннов». В понимании священнослужителей это были «наши капища и жертвенники отцами вашими построенные» (варианты: «капища кумиров наших»; «алтари наших храмов»); «капища ваших богов» (варианты: «капища богов наших»; «храмы наших богов»); «капища наших богов» (вариант: «храмы наших богов») (*Мовсес Каланкатуаци* II. Кн. II. Гл. XLI. С. 128–129; *Мовсес Каланкатуаци* I. Кн. II. Гл. XLI. С. 200; *Мовсес Каланкатуаци* III. Кн. II. Гл. XLI. Р. 161–162).

В это освоенное пространство Среднего мира были включены также священные объекты природы – Земля и Воды.

Сакральный мир земли («страна гуннов») был населен людьми, воспринимаемыми в единстве, как «наш народ» (*Мовсес Каланкатуаци* II. Кн. II. Гл. XLI. С. 128) или «народ» (*Мовсес Каланкатуаци* II. Кн. II. Гл. XLI. С. 128; *Мовсес Каланкатуаци* I. Кн. II. Гл. XLI. С. 200; *Мовсес Каланкатуаци* III. Кн. II. Гл. XLI. Р. 161). Однако при этом в источнике подчеркивается социальная неоднородность общества, в котором присутствуют «все сословие вельмож и простолюдинов гуннских» (варианты: «гунны-вельможи, азаты и рамики»; «все вельможи и челядь хуннов») (*Мовсес Каланкатуаци* I. Кн. II. Гл. XL. С. 194; *Мовсес Каланкатуаци* II. Кн. II. Гл. XL. С. 125; *Мовсес Каланкатуаци* III. Кн. II.

Гл. XL. Р. 194); «князь и весь его народ» (варианты: «князь и толпа народа»; «князь и соотечественники» (*Мовсес Каланкатуацци* I. Кн. II. Гл. XL. С. 194; *Мовсес Каланкатуацци* II. Кн. II. Гл. XL. С. 125; *Мовсес Каланкатуацци* III. Кн. II. Гл. XL. Р. 156); «князь Алфилутвер с лагерем своим» (варианты: «князь Алп-Илитвер, его вельможи и многочисленные воины»; «принц Алп-Илитвер и его армия») (*Мовсес Каланкатуацци* I. Кн. II. Гл. XLI. С. 198; *Мовсес Каланкатуацци* II. Кн. II. Гл. XLI. С. 127; *Мовсес Каланкатуацци* III. Кн. II. Гл. XLI. Р. 160).

Вместе с людьми на земле обитали священные животные – лошади. Епископ Израил обозначил их как «ваши животные» (*Мовсес Каланкатуацци* III. Кн. II. Гл. XLI. Р. 164). Лошадь в мире «страны гуннов» была средством передвижения и добычи материальных ценностей в дальних походах, и главное, это было сакральное животное, приносимое в жертву богам, его кровь и мясо вкушались как жертвенная пища, скачки на конях были одним из ритуалов похоронно-поминального обряда.

У народа «страны гуннов» были и враги, определяемые также как «наши враги» (*Мовсес Каланкатуацци* II. Кн. II. Гл. XLI. С. 128). Однако враждебным выступало только южное направление. Конкретно враги не обозначены, но, как показывает анализ данных, основные конфликты «страны гуннов» в IV–VII вв. происходили со странами Закавказья, сасанидским Ираном, Византией и Арабским халифатом. Население горных районов Северо-Восточного Кавказа среди «врагов» «страны гуннов» нигде не упоминается.

Итак, мир гуннов Прикаспия в горизонтальной подсистеме космической структуры – это сакрально освоенное пространство с равнинным ландшафтом, имеющее конкретные границы на востоке, юге и западе (береговая линия, «ворота гуннов», «подошва гор»). Северная степная сторона как населенная этнически близкими племенами, вероятно, была открытой, незамкнутой.

Четких данных о вертикальной подсистеме космической структуры в религии «страны гуннов» нет. Однако представления о ней проявляются через обозначенную оппозицию «Небо–Земля». Верхний мир воспринимался как священное небо, как место пребывания бога Тенгри-хана (хан Неба). В пантеоне бог неба Тенгри-хан занимал ведущее положение, о чем свидетельствует ранжирование его образа. Один из каганов Западно-тюркского каганата носил имя Тенгри-хан.

Верхний мир (небо) был обиталищем также бога молнии и грома Куара, священных объектов Солнца и Луны.

Наиболее ярко представления о трехчастности мира дает образ главного священного дуба «страны гуннов», которое во всех эпизодах повествования о религии «страны гуннов» выступает как наделенное гипертрофированной высотой, мощной кроной с обильной листвой. Символизируя собой вертикальную ось мира, соединяющую три сферы микрокосма, его крона, достигающая неба, ассоциируется с Верхним миром (Небо), его ствол, несущий в себе дополнительную символику коммуникатора (дорога на небо), связывался со Средним миром (Земля). Жертвенное животное – конь (копытное) также ассоциируется со Средним миром.

В Среднем мире рядом с людьми находилось обиталище богини Земли, каковым, как указывалось, могло быть чрево главного священного дуба, воспринимаемого в виде женской ипостаси – «мать всех других священных деревьев».

Образ богини Земли был каким-то образом связан с мифическим персонажем Аспандиатом. В источнике отмечено, что каждое священное дерево в роще было посвящено определенному богу. Главное священное дерево, воспринимаемое как «мать» других священных деревьев, представляющих собой коммуникационные объекты, было посвящено мифическому персонажу Аспандиату, наделенному широким спектром функций. Оппозиция проявляется в том, что главное священное дерево, представляемое в женской ипостаси (мать), было посвящено мифическому мужскому образу. Но, видимо, в мифологических сюжетах

священный объект мать-дерево, возможное место пребывания богини Земли, было источником силы и мощи персонажа Аспандиата. Эти особые его качества постоянно подчеркиваются в повествовании о религии «страны гуннов», более того, все его функции осуществляются через эту силу и мощь.

Ряд священных объектов и сил природы принадлежали как Верхнему, так и Среднему мирам. Священный огонь, воспринимаемый как проявление (огонь) бога молнии и грома Куара, т.е. как сила небесной сферы, Верхнего мира, однако, в определенных обстоятельствах (удар молнии во время грозы) становился принадлежностью Среднего мира. Такого же характера были представления и о дождях. Обращение к богу молний и грома о ниспослании дождей во время засухи и о прекращении затяжных ливней свидетельствует о «небесной» принадлежности этого объекта природы. Но при определенных условиях он становится земным объектом (земля, насыщенная дождями; плоды и растения, наполненные влагой дождей).

Совершенно не раскрыты в источниках представления о Нижнем мире, хотя отмеченная зооморфная своеобразность некоторых атрибутов язычников – подвески в виде змеи (дракона), может указывать на наличие таких представлений.

Смерть в «стране гуннов» воспринималась как отрицательно окрашенное явление. Самое сильное наказание за проступки, направленные на ослабление «страны гуннов», предусматривало смерть индивида, гибель его семьи и рода. Определенные действия могли привести к гибели всей страны, что рассматривалось как катастрофа. Разыгрываемые на поминках народные «игрища» (скачки, бои с оружием, борьба) символизировали, вероятно, противостояние сил бытия и сил небытия (жизнь–смерть). И заключение новых браков в семье и роду умершего по окончании похоронно-поминальных мероприятий могло означать победу сил бытия в этом вселенском противостоянии (с рождением новых членов рода потеря возмещалась). Нижний мир – это был мир-антипод земному бытию, и, учитывая обширность, разнообразие и хронологическую продолжительность ритуалов похоронно-поминального цикла, он в представлениях был не менее мощным, чем Верхний мир, обеспечивавший земную благодать «страны гуннов».

Мир богов «страны гуннов» был неотделим от мира людей. Как само место обитания воспринималось через понятие «наша земля», как сакрально освоенное пространство – священная роща, храмы, идолы также считались «нашими», так и персонажи пантеона богов попадали под это определение. Священнослужители определяли их как «боги наши» (*Мовсес Каланкатуацци* II. Кн. II. Гл. XLI. С. 128; *Мовсес Каланкатуацци* I. Кн. II. Гл. XLI. С. 200; *Мовсес Каланкатуацци* III. Кн. II. Гл. XLI. Р. 161); «ваши настоящие боги» (варианты: «родные боги») (*Мовсес Каланкатуацци* II. Кн. II. Гл. XLI. С. 128; *Мовсес Каланкатуацци* III. Кн. II. Гл. XLI. Р. 162); «наши великие боги» (*Мовсес Каланкатуацци* III. Кн. II. Гл. XLI. Р. 163).

В источнике постулируется идея традиционности ценностных ориентиров, каковыми выступали идеи религиозных воззрений. Так, доказывается, что «родным богам» поклонялись «ваши предки и вы тоже», что храмы и алтари богов возвели «отцы ваши» (вариант: «отцы, цари и принцы»). И сами истоки верований также отнесены к бытию далеких предков. Правитель «страны гуннов» отмечал в своем послании в Армению: «С самого начала сотворения земли предки наши почили в аду» (*Мовсес Каланкатуацци* II. Кн. II. Гл. XLIV. С. 133); «В начале бытия земли омраченные невежеством и туманом неведения отцы наши почили» (*Мовсес Каланкатуацци* I. Кн. II. Гл. XLIV. С. 210). Английское издание дает несколько иной смысл этой фразы: «From the beginning of time our fathers, benighted by ignorance, dark-ness and fog, have slept» [С начала времени наши предки, будучи погружены во мрак неведения, темноты и густого тумана, находились во сне] (*Мовсес Каланкатуацци* III. Кн. II. Гл. XLIV. Р. 169). На основе русских изданий источника отсчет времени существования религиозных воззрений населения «страны гуннов» ведется от «начала сотворения земли», то

по английскому изданию – «с начала времени наших предков», т.е. со времени определения себя как этноса. Тем самым подчеркивается не только глубина традиционных верований, но и связь их с этнической историей.

Епископ Исраил определил религиозные воззрения «страны гуннов» как «религию своих отцов» (*Мовсес Каланкатуаци* III. Кн. II. Гл. XLI. Р. 160). Варианты: «отечественные верования» (*Мовсес Каланкатуаци* II. Кн. II. Гл. XLI. С. 128); «отеческая религия» (*Мовсес Каланкатуаци* I. Кн. II. Гл. XLI. С. 199).

Включение пантеона богов в пространство, определяемое понятием «наше», отмечено в источниках у племен Прикаспия еще в 40-х гг. V в. Мовсес Каланкатуаци, описавший обряд по случаю победы (успешный набег на страны Закавказья номадов Северо-Восточного Кавказа в 440 г.), отметил, что «царь росмосоков» отдал приказ принести в лагере жертвы «богам своим» (*Мовсес Каланкатуаци* I. Кн. I. Гл. XXX. С. 76; *Мовсес Каланкатуаци* II. Кн. I. Гл. XXX. С. 63), он упрекал «великого князя гуннов», принявшего христианство и не захотевшего провести языческий обряд «на победу», что он оставил «благородных богов народа своего» и настаивал на принесении жертв «нашим богам» (*Мовсес Каланкатуаци* I. Кн. I. Гл. XXX. С. 77; *Мовсес Каланкатуаци* II. Кн. I. Гл. XXX. С. 64).

Понятие «наши боги» противопоставлялось понятию «чужие боги». Царь росмосоков определял христианского бога как бога, «которого мы не знаем» (*Мовсес Каланкатуаци* I. Кн. I. Гл. XXX. С. 77). Священнослужители «страны гуннов» в 80-х гг. VII в. также противопоставляли своих «настоящих богов» христианскому Богу, которого воспринял Алп-Илитвер (*Мовсес Каланкатуаци* II. Кн. II. Гл. XLI. С. 128).

Основным средством общения людей с богами считались жертвоприношения и одаривания, которые осуществлялись через посредство культовых объектов – священных деревьев, идолов, храмов и алтарей. Связь богов с миром людей осуществлялась, по всей видимости, через богов путей, в обозначении которых проявляется их священная функция.

Мировоззрение населения «страны гуннов» было насыщено множеством понятийных оппозиций, задействованных во всех составляющих микрокосм. В источнике явственно обозначены оппозиции: Небо – Земля, Тенгри-хан – Куар, богиня Земли – Аспандиат, Солнце – Луна, Огонь – Вода, засуха – проливные дожди, холод – жара, жизнь – смерть, благо – несчастья, добро – зло, заклятие – сожжение, наша страна – чужие страны, наши боги – чужие боги, князь (знать) – народ (войско).

На основе данных письменных источников мировоззрение населения Прикаспийского Дагестана VII в. реконструируется в виде целостной картины мира, в которой главенствующее положение занимали «наши боги», наделенные множеством разнообразных функций, направленных на обеспечение благополучия «нашего народа» и «нашей страны». Превыше всех ценностных ориентиров было священное небо в образе бога неба Тенгри-хана. Важное место отводилось в религиозных воззрениях богу молнии и грома Куару и женскому божеству Земли. Бог Куар воспринимался как «спаситель» в неординарных ситуациях (засуха, проливные дожди), а богиня Земли как «защитница» при угрозах уничтожения культовых объектов. Священный персонаж Аспандиат также играл значительную роль в благополучном функционировании «страны гуннов».

Хронологические и типологические соответствия составу корпуса религиозных представлений населения «страны гуннов» 80-х гг. VII в. проявляются в пределах Прикаспийского Дагестана с 40-х гг. IV в. Это касается обряда поклонения солнцу и военно-религиозного обряда. В 40-х гг. IV в. гунны «страны масаха-гуннов» молились на горе в «утренний час»; тюрки, задействованные в военной кампании в Закавказье в 625–628 гг. величали кагана «бог-солнце»; жители «страны гуннов» поклонялись солнцу (682 г.)

Военно-религиозный обряд с многочисленными ритуалами впервые

зафиксирован у гуннов «страны масаха-гуннов» (30–40-е гг. IV в.); жертвоприношение по случаю победоносной акции устроили номады Северо-Восточного Кавказа в 440 г.; в 504 г. гунны на горе кропили раскаленные угли ароматами и мускусом, моля о победе над превосходящими силами врага; также богами обуславливалась победа в сражениях и в «стране гуннов» (628 г.).

Пантеон богов как сложившаяся структура организации священных персонажей фиксируется в регионе с 40-х гг. V в. у гуннов, находившихся под властью «царя росмосоков»; в законченно виде с обозначением имен божеств и их функций пантеон предстает у гуннов «страны гуннов» (682 г.).

Наличие культовых объектов (храмов и скульптурных изображений богов) фиксируется в источниках с 40-х гг. V в. (гунны «царя росмосоков»); то же – у гуннов «страны гуннов» (682 г.). Мемориальные сооружения в виде храмов известны с середины VII в. (г. Беленджер) и, возможно, они были и в «стране гуннов» (682 г.).

Исполнение обряда жертвоприношений племенами Прикаспийского Дагестана отмечено с 440 г. (принесение жертв по случаю успешной военной акции в Закавказье воинами царя росмосоков); принесение жертв гуннами Прикаспия зафиксировано и в 504 г. (гунны, приносящие мускус и ароматы божеству, моля о победе над превосходящим в силе врагом); жертвоприношения как развитый комплекс ритуалов существовал в «стране гуннов» (682 г.).

Обряд дачи клятвы при заключении международных соглашений фиксируется у племен региона с середины V в. (договор гуннов с армянами о совместной борьбе с Персией – 450–451 гг.); данные об исполнении подобного обряда относятся к 504 г. (договор с персами о совместных выступлениях против Византии) и к 521/22 г. (договор царя гуннов Зилгивина с Византией об оказании ей военной помощи); подобной клятвой подтверждалось заключение союзнического договора тюрков с Византией (626 г.) и соглашение царевича (шада) Тюркского каганата с католикосом Виро о передаче тюркам во владение Кавказской Албании (628 г.); также клялся Алп-Илитвер епископу Исраилу, подтверждая свое намерение бороться с языческими проявлениями (682 г.).

Проявления скорбного ритуала зафиксированы у савир Прикаспийского Дагестана с середины VI в.; в полном объеме он описан уже как традиция в «стране гуннов» (682 г.).

Обряд приветствия иностранного правителя (посла) известен из практики тюрков (627 г.), когда каган и его войско исполнили такой обряд по отношению к императору Византии. Тожественный обряд исполнил правитель «страны гуннов» по отношению к главе христианской миссии, посланнику правителя Кавказской Албании епископу Исраилу (682 г.).

Все остальные проявления языческих верований – природно-календарные обряды; защитные обряды; социальные обряды; обряды инициации; казни священнослужителей; поклонения луне, воде, огню, земле; поклонение священным деревьям; использование лошадей в качестве жертвенного животного – хронологически укладываются в рамки 50–80-х гг. VII в. Существование организации священнослужителей также относится к этому времени.

Как отмечалось, свидетельства письменных источников о проявлениях религиозных представлений населения Прикаспийского Дагестана в IV–VII вв. связаны с «варварскими» племенами, имевшими разные этнические обозначения, но воспринимаемыми авторами древности как население с однородными культурными традициями и образом существования, а именно – степняки, номады, прекрасные воители, склонные к грабительским набегам, и, конечно, язычники с необычными ритуалами.

Поэтому все названные в источниках факты проявления религиозности в период с 30–40-х гг. IV в. до середины VII в. Можно, несомненно, отнести к традиционной культуре кочевых племен Центральной Азии, периодически внедрявшихся в регион (племена гуннов и булгаров). Все эти проявления находят прямые аналогии в культурной традиции гуннов, булгар и тюрков,

зафиксированной в разнохарактерных источниках.

Однако религиозные воззрения «страны гуннов» 80-х гг. VII в., не смотря на явные указания автора на «варварский» характер культуры его населения, не могут быть восприняты однозначно. Анализ данных показывает, что мощный пласт религиозных воззрений степняков наложился на мировоззрение местного населения Прикаспия, подвергшееся сильному влиянию культуры ираноязычных номадов (сарматы) в догуннскую эпоху.

Вычленив из комплекса религиозных представлений «страны гуннов» конца VII в. проявления верований кавказского населения и ираноязычных кочевников чрезвычайно сложно. Население Прикаспийского Дагестана испытало сильное влияние идеологии ираноязычных народов. Около 500 лет (II в. до н.э. – III в. н.э.) местное население Прикаспия находилось под мощным прессингом культуры и идеологии ираноязычных сарматских племен, под влиянием которых в регионе произошла трансформация некоторых ритуалов погребального обряда (*Гмыря*, 1993. С. 136–153). Значительная часть региона долгое время находилась под мощным воздействием государственной идеологии Сасанидского Ирана, в политической зависимости от которого до середины VII в. находились территории, расположенные к югу от Дербента, включая и сам город-крепость.

Тюркоязычные племена (гунны, болгары, тюрки) на своем долговременном пути из Азии в Европу также восприняли некоторые религиозные постулаты ираноязычных народов Средней Азии, чья идеология в свою очередь долгое время находилась под воздействием сасанидского Ирана.

Культурологическое определение проявлений религиозности населения «страны гуннов» во второй половине VII в. может быть продуктивно в силу названных обстоятельств в сопоставлении всего комплекса верований с таковым тюркоязычных народов предшествующих эпох, а также синхронных им и последующего времени. Важным являются также поиски особенностей деталей ритуалов, могущих демонстрировать особенности религиозных традиций населения Прикаспия догуннской эпохи.

Как отмечалось, С.Г. Кляшторным надежно установлена тождественность комплексов религиозных представлений тюрков VI–IX в., населения «страны гуннов» (VII в.) и болгар Первого Болгарского царства (VIII–IX вв.) (*Кляшторный*, 1981; 1984 а; 1987 а; 1994 а; 2000 б–в; 2002). Основными ценностными ориентирами идеологии тюркоязычных народов признается поклонение священному Небу – в образе бога Тенгри, важность функций богини плодородия, бога подземного мира и богов дорог, священными являлись также Земля–Вода.

При схожести в целом комплекса религиозных представлений населения «страны гуннов» и религий других тюркоязычных народов исследователи, как отмечалось, признают сильное влияние иранской идеологии, проявившейся в наименованиях бога молнии и грома Куара и священного персонажа Аспандиата.

Несомненно, идеология населения Прикаспийского региона догуннской эпохи явственно просматривается в религии «страны гуннов» VII в. в обрядах календарного цикла (вызов дождя и солнца) и поклонении богу молнии и грома Куару. Связь бога Куара с земледельческой деятельностью населения в источнике проступает явственно. Это был бог-Спаситель, от благосклонности которого зависело состояние «растений и саженьцев» – главного богатства «страны гуннов».

Видимо, в догуннскую эпоху это божество занимало в пантеоне местного населения главное положение, но с распространением в регионе религии тюркоязычных племен (гуннов, болгар, тюрков), главным божеством которых являлся бог неба Тенгри (у каспийских гуннов Тенгри-хан), положение в пантеоне бога молнии и грома Куара стало неопределенным. Главенство богов в пантеоне «страны гуннов» четко не выявляется, хотя опосредованно просматривается приоритет Тенгри-хана. Культ Тенгри-хана являлся официальным культом в «стране гуннов», святыни, посвященные ему, были объектом поклонения великого князя Алп-Илитвера и его вельмож.

Идеология ираноязычного населения просматривается в клубке синкретических верований древнего населения Прикаспия и в образе культурного героя – богатыря Аспандиата, культ которого, по всей вероятности, был культом широких народных масс. В какой-то степени по значимости в системе верований каспийских гуннов его культ соперничал с культом Тенгри-хана. Возможно, что богатырь Аспандиат когда-то был наделен функциями божества, но с внедрением идеологии тюркоязычных кочевников его статус был сведен до уровня героя-первопредка. Однако его культ все еще занимал важное место в религиозных представлениях населения «страны гуннов», т.к. его функции оставались достаточно обширными и положительно направленными.

Дискуссионным является вопрос о культурной принадлежности культа священных деревьев в «стране гуннов» и особенно культа главного священного дуба. Формальный подход к этому вопросу приводит к однозначной оценке этого культурологического явления как проявления местного (кавказского) язычества (*А.Я. Федоров*). Однако, как отмечалось, культ высоких деревьев был свойственен и культуре тюркоязычных народов, они также посвящали их богам, наделяя коммуникационными функциями. Изображение коня у священного дерева в культуре древних тюрков имеет символику жертвы божеству, воспринятую, как считается, из идеологии ираноязычного населения степей в древности.

Как показывает анализ данных, культ главного священного дерева и других высоких деревьев оформился в своем завершенном виде в «стране гуннов» в узкий хронологический период (VII в.) и может быть связан с процессами усиления центральной власти в лице великого князя. Поклонение плодоносящему дереву, не игравшему сколько-нибудь значимую роль в хозяйственной жизни социума, носит абстрактный характер, сопряженный с представлениями о структуре мира, его центральной оси и месте в нем богов и людей. Поэтому «древопоклонение» населения «страны гуннов» не может быть объяснено только через земледельческую деятельность древнего кавказского населения. Придав священному дереву статус главного символа язычества «страны гуннов», княжеский род тем самым закрепил идеологию трехчастности структуры мира, привел ее в строгую и обоснованную систему миропорядка, освященного традициями.

Идеология древних тюрков просматривается в мировоззрении населения «страны гуннов» Прикаспия наиболее отчетливо. Древнетюркский пантеон богов представлен в пантеоне «страны гуннов» богом Неба Тенгри-ханом, богиней плодородия (Земли) и богами путей (посредниками). В сущности, пантеон богов каспийских гуннов был сформирован из древнетюркских мифических персонажей, кавказские и ираноязычные небожители лишь дополняли его.

Характер культовых объектов (храмы, идолы) также демонстрирует приверженность тюркоязычных племен Прикаспия к ценностным составляющим древнетюркской идеологии, сложившейся еще в хуннскую эпоху (*С.Г. Кляшторный*).

Важно отметить, что в погребальной обрядности (годовой цикл поминальных мероприятий) тюркоязычные племена Прикаспийского Дагестана почти полностью сохранили многовековые традиции, сложившиеся на просторах центрально-азиатской прародины. Специфический характер поминальных мероприятий (плачи, самоистязания, скачки, борьба, состязания с мечами, эротические игры, пляски, брачные обряды) находит прямые аналогии в религиозной практике древнетюркских племен в поясе степей Евразии на протяжении почти тысячелетия.

Несмотря на синкретический характер идеологии раннесредневекового населения Прикаспийского Дагестана 80-х гг. VII в., она предстает оформившейся в определенную систему мировоззренческих постулатов, отражающих социально-экономическое, этнокультурное и политическое развитие политического образования «страны гуннов». Стратификация пантеона богов и культовая иерархия организации священнослужителей отражали социальную

стратификацию общества. Характер функций богов и объектов поклонения находил соответствие в потребностях полиэтнического населения, а многофункциональная деятельность религиозных служителей удовлетворяла эти потребности.

Несмотря на могущество и возросшее богатство жреческого сословия, осуществлявшего религиозную практику в «стране гуннов», контроль над идеологией являлся неотъемлемым правом верховного правителя – великого князя. Христианская реформа, проведенная в 682 г. Алп-Илитвером, была направлена не только на укрепление власти и экономического могущества верховного правителя «страны гуннов», она по существу явилась актом перераспределения экономического потенциала и политического приоритета внутри родоплеменной верхушки феодализирующейся знати.

Пространство обитания племен «страны гуннов», ограниченное территорией Прикаспийского Дагестана, к VII в. оформилось в идеологическое понятие «земнородной отчизны», ставшей миром земного пребывания потомков древних кавказцев, ираноязычных скотоводов-номадов и многочисленных подразделений тюркоязычных племен.

БИБЛИОГРАФИЯ

Мовсес Каланкатуаци. I – История агван Мойсея Кагангатваци, писателя X в. / Пер. с арм. К. Патканьян. СПб., 1861.

Мовсес Каланкатуаци. II – Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк, Пер. с древнеарм., предисл. и комм. Ш.В. Смбатяна. Ереван, 1984.

Мовсес Каланкатуаци. III – The History of the caucasian albanians by Movses Dasxuranci. / Translated by C. J. F. Dowsett. London, 1961.

Себеос – История императора Иракла, сочинение епископа Себеоса, писателя VII века. / Пер. с арм. К. Патканьян. СПб., 1862.

Фавстос Бузанд – История Армении Фавстоса Бузанда. / Пер. с древнеарм. и комм. М.А. Геворгяна. // Памятники древнеармянской литературы. I. Ереван, 1953.